

**Юрий Манн,
Где и когда?**

Из комментариев к «Мертвым душам»

(Jurij Mann, Gde i kogda? Iz kommentariev k "Mertvym dušam")

aus:

Analysieren als Deuten

Wolf Schmid zum 60. Geburtstag

Herausgegeben von Lazar Fleishman, Christine Gölz und Aage A.

Hansen-Löve

S. 407-416

Impressum für die Gesamtausgabe

Bibliografische Information Der Deutschen Bibliothek

Die Deutsche Bibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.ddb.de> abrufbar.

Diese Publikation ist außerdem auf der Website des Verlags Hamburg University Press *open access* verfügbar unter <http://hup.rrz.uni-hamburg.de>.

Die Deutsche Bibliothek hat die Netzpublikation archiviert. Diese ist dauerhaft auf dem Archivserver Der Deutschen Bibliothek verfügbar unter <http://deposit.ddb.de>.

ISBN 3-9808985-6-3 (Printausgabe)

© 2004 Hamburg University Press, Hamburg

<http://hup.rrz.uni-hamburg.de>

Rechtsträger: Universität Hamburg

Inhalt

Vom nicht abgegebenen Schuss zum nicht erzählten Ereignis	11
Schmid'sche Äquivalenzen <i>Aage A. Hansen-Löve (München)</i>	
Kein Elfenbeinturm für Wolf Schmid	19
15 Jahre Alexander-Sergejewitsch-Puschkin-Preis <i>Ulrich-Christian Pallach (Alfred Toepfer Stiftung F.V.S., Hamburg)</i>	
Critique of Voice	31
The Open Score of Her Face <i>Mieke Bal (Amsterdam)</i>	
Towards a Cognitive Theory of Character	53
<i>Willem G. Weststeijn (Amsterdam)</i>	
Literarische Kommunikation und (Nicht-)Intentionalität	67
<i>Reinhard Ibler (Marburg)</i>	
«Теснота стихового ряда»	85
Семантика и синтаксис <i>Michail Gasparov (Moskau)</i>	
О принципах русского стиха	97
<i>Vjačeslav Vs. Ivanov (Moskau, Los Angeles)</i>	
Эстетика тождества и «железный занавес» первого Московского царства	111
<i>Marija Virolajnen (St. Petersburg)</i>	
Семантический ореол «локуса»	135
Выбор места действия в художественном тексте <i>Tat'jana Civ'jan (Moskau)</i>	

Из истории сонета в русской поэзии XVIII века	151
Сонетные эксперименты. Случай «двуединого» сонета <i>Vladimir Toporov (Moskau)</i>	
Фантазия versus мимезис	167
О дискурсе «ложной» образности в европейской литературной теории <i>Renate Lachmann (Konstanz)</i>	
„Korinnas Reiz macht mir das Herze wund“	187
Zum quasinarrativen Element in Franciszek Dionizy Kniaźnins „Erotica“ (1779) <i>Rolf Fieguth (Fribourg)</i>	
Zur Poetik von Schota Rustaweli	219
<i>Winfried Boeder (Oldenburg)</i>	
Литература по ту сторону жанров?	231
<i>Igor' Smirnov (Konstanz)</i>	
О поэтике первых переживаний	259
<i>Jost van Baak (Groningen)</i>	
Медленное чтение «Евгения Онегина» как курс введения в литературоведение	277
<i>Aleksandr Čudakov (Moskau)</i>	
Поэзия как проза	299
Нарратор в пушкинской «Полтаве» <i>Lazar Fleishman (Stanford, California)</i>	
Poetry and Prose	337
Pushkin's Review of Sainte-Beuve's "Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme" and the Tat'iana of Chapter Eight of "Evgenii Onegin" <i>David M. Bethea (Madison, Wisconsin)</i>	
«Не бось, не бось»	353
О народном шиболете в «Капитанской дочке» <i>Natalija Mazur (Moskau)</i>	

Der frühe russische Realismus und seine Avantgarde	365
Einige Thesen <i>Aage A. Hansen-Löve (München)</i>	
Где и когда?	407
Из комментариев к «Мертвым душам» <i>Jurij Mann (Moskau)</i>	
Сатирический дискурс Гоголя	417
<i>Valerij Tjupa (Moskau)</i>	
Macht und Ohnmacht des (Ich-)Erzählers	429
F. M. Dostoevskijs „Belye noči“ <i>Riccardo Nicolosi (Konstanz)</i>	
“Les jeux sont faits”	449
Money and Roulette as a Literary Communicative Device in “The Gambler” <i>Boris Christa (Queensland, Australia)</i>	
Сцена из «Фауста» в романе Достоевского «Подросток»	461
<i>Galina Potapova (St. Petersburg)</i>	
От «говорили» к «как-как-фонии»	483
Отчуждение языка в «Даме с собачкой» <i>Peter Alberg Jensen (Stockholm)</i>	
Die anthropologische Bedeutung und der poetische Aufbau Čechov’scher Erzählungen am Beispiel von „Nesčast’e“	499
<i>Matthias Freise (Salzburg, Göttingen)</i>	
Narration als Inquisition	513
Čechovs Kurzgeschichte „Novogodnjaja pytka. Očerk novejšej inkvizicii“ <i>Erika Greber (München)</i>	
Рождение стиха из духа прозы	541
«Комаровские кроки» Анны Ахматовой <i>Roman Timenčik (Jerusalem)</i>	

Кубовый цвет	563
Из комментария к словарю Набокова <i>Aleksandr Dolinin (Madison, Wisconsin)</i>	
Подводное золото	575
Ницшеанские мотивы в «Даре» Набокова <i>Savely Senderovich, Elena Shvarts (Ithaca, NY)</i>	
Zur Kohärenz modernistischer Texte	591
Schulz' „Nemrod (Sklepy cynamonowe)“ <i>Robert Hodel (Hamburg)</i>	
«Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Хождение по мукам» А. Н. Толстого	617
К вопросу о судьбах русского романа в двадцатом столетии <i>Vladislav Skobelev (Samara)</i>	
„Ja k vam pišu...“ – mediale Transformationen des Erzählens	631
Tat'janas Liebesbrief in Puškins Versroman „Evgenij Onegin“, Petr Čajkovskijs gleichnamiger Oper und Martha Fiennes' Verfilmung <i>Rainer Grübel (Oldenburg)</i>	
Пушкин как персонаж лирической поэзии «ленинградского андеграунда»	665
<i>Vladimir Markovič (St. Petersburg)</i>	
Das ABC der russischen Katastrophen	689
Tat'jana Tolstajas Roman „Kys“ <i>Christine Gölz (Hamburg)</i>	
Schriftenverzeichnis von Wolf Schmid	719
Autorinnen und Autoren	735

Где и когда?

Из комментариев к «Мертвым душам»

Юрий Манн

Применительно к хронотопу гоголевских произведений — и особенно к *Мертвым душам* — этот вопрос получает интригующее и, можно сказать, антитетическое решение, впрочем зависящее от общего взгляда на писателя. Ведь если Гоголь — «последовательный реалист», основатель «натуральной школы», то естественно ждать от него точных указаний относительно времени и места действия. Если же приверженец (и в значительной степени создатель) особого иррационального и алогичного стиля, то такие ожидания неоправданы и неуместны.

Сам автор *Мертвых душ*, кажется, охотно идет навстречу одной из этих точек зрения, а именно первой, по крайней мере однажды совершенно определенно локализуя время действия. Мол, «все это происходило вскоре после достославного изгнания французов», то есть в период, наступивший сразу же после завершения войны 1812 г. Однако косвенными данными размывается как верхняя, так и нижняя граница этого периода. Вот несколько примеров.

Председатель палаты декламировал *Людмилу Жуковского*, «которая еще была тогда непростывшеею новостью». Хотя полемика по поводу стихотворения длилась по крайней мере еще десятилетие, но речь здесь очевидно идет о времени его публикации (1808), то есть о времени до 1812 г. Вместе с тем, предположение чиновников, что Наполеона «выпустили» «с острова Елены», локализует действие периодом с 1815 (год высылки Наполеона на остров Святой Елены) по 1821 (год его смерти). Чтение Чичиковым «послания в стихах Вертера к Шарлотте», то есть, очевидно, стихотворения В. И. Туманского *Вертер к Шарлотте (за час перед смертью)*, говорит о том, что описыва-

емые события могли иметь место после 1819 г. (в этот год в журнале *Благонамеренный* появилось указанное стихотворение). Реплика почтмейстера «об Ланкастеровой школе взаимного обучения» также указывает или на тот же 1819 год, когда было открыто в России *Общество училищ взаимного обучения*, или же, что логичнее, на более позднее время, когда возросли известность и популярность этого метода (в 1820 г. вышло *Описание взаимного обучения по системе Ланкастера*; тремя-четырьмя годами позже началось бурное распространение списков грибоедовского *Горя от ума* с выпадом графини Хлестовой против «Ланкартачных взаимных обучений»).

Сдвигают верхнюю границу описываемых событий и реалии, связанные с освободительной войной греков в 1821—1829 гг.: восстание в Миссолонги, сделавшее известным имя его организатора Александра Маврокордато, произошло в 1822 г.; имя другой участницы войны, Бобелины (Боболины), приобрело широкую популярность после ее убийства в 1825 г.; и т. д. О греческих событиях много говорилось в России и на исходе десятилетия: их обсуждают даже персонажи *Ганца Кюхельгартена*, датированного Гоголем 1827-м годом.

Упоминание о том, что «двуглавые государственные орлы» на питейных заведениях заменены другой надписью, маркирует действие поэмы периодом после 1826 г., когда была отменена казенная питейная монополия.¹ Вместе с тем появляется по крайней мере одна реалья, которую с большой долей вероятности можно отнести к еще более позднему времени — упоминание Чичиковым большой эпидемии («недавно была эпидемия, народу вымерло, слава Богу, немало [...]»); ведь, скорее всего, подразумевается холерная эпидемия 1831 г. Если это так, то настоящая деталь входит в противоречие с данными второго тома, а именно упоминанием, что у Хлобуева чуть ли не половина крестьян «померли от эпидемической болезни». Есть все основания считать, что здесь идет речь именно о холерной эпидемии 1831 г., а между тем действие второго тома хронологически, как это следует из текста, отделено от первого тома значительным промежутком времени. Далее, упоминание в VIII главе «нижнего земского суда» как дей-

¹ Гредингер М. Основы питейной монополии в России. Рига, 1895. С. 27.

ствующего учреждения говорит о том, что события происходили не позже 1837 г., когда нижний земский суд был переименован в земский суд.

Ряд хронологических ограничений устанавливается реалиями, связанными с осуществлением аферы Чичикова, который официально приобретает крестьян без земли, на вывод и выборочно — только мужского пола. Между тем по именному указу Сенату от 2 мая 1833 г., крестьян было «безусловно запрещено продавать и уступать по дарственным записям отдельно от семейств, как с землею, так и без земли». «Конечно, продажа людей на прежних основаниях продолжалась иногда и после этого [...] Но это были уже злоупотребления, за которые виновные подвергались ответственности».² Однако в *Мертвых душах* как партнеры по сделке, так и участвующие в ее оформлении чиновники исходят из ее полной легальности.

Далее, согласно высочайше утвержденному в 1841 г. мнению Государственного совета, «покупать крестьян может только лицо, владеющее уже населенным имением, к которому покупаемые и должны быть приписаны; поэтому, при совершении крепостных актов, присутственные места должны потребовать от покупателя крестьян без земли, к какому недвижимому населенному своему имению намерен он приписать тех людей».³ В *Мертвых душах* же совершение купчей в казенной палате обходится без всех этих формальностей; председатель, узнав о том, что крестьяне куплены на вывод в Херсонскую губернию, удовлетворился лишь вопросом, имеется ли у Чичикова «земли в достаточном количестве». Кстати, на соответствующие неточности обратил внимание С. Т. Аксаков в письме Гоголю от 3 июля 1842 г.: «Крестьяне на вывод продаются с семействами, а Чичиков откался от женского пола [...]».⁴ Однако Гоголь оставил эти слова без

² Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Санкт-Петербург, 1870. С. 304, 344. См. также: Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Санкт-Петербург, 1888. Т. 2. С. 553.

³ Романович-Славатинский А. Дворянство в России. С. 304.

⁴ Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. Москва, 1988. Т. 2. С. 23.

внимания, что может быть объяснено двояко: или он исходил из того, что действие первого тома имеет место до появления закона 1833 г., не говоря уже о распоряжении 1841 г., или же (что более вероятно) просто не придал прозвучавшему упреку никакого значения.

Между тем замечания Аксакова характерны для реакции первых гоголевских читателей вообще, в большинстве своем воспринимавших *Мертвые души* как произведение о *современности*. Этого же мнения придерживались впоследствии и многие литературоведы; так Н. А. Котляревский полагал, что Гоголь отнес описываемые события к прошлому, к эпохе войны 1812 г. лишь для того чтобы обезопасить себя — «мистификация была очень наивна, но не нужна».⁵

На основании указанных выше и некоторых других данных предпринимались и попытки более точно локализовать действие поэмы. В. Данилов приходил к выводу, что «оно происходит несколько лет спустя после 1815 г., когда была объявлена первая после изгнания французов ревизия, седьмая по счету, манифест о котором был издан 20 июня».⁶ По мнению же А. А. Елистратовой, «многие подробности позволяют отнести [...] начало [действия] ко второй половине царствования Александра I».⁷

Еще конкретнее Е. С. Смирнова-Чикина, буквально по годам расписавшая биографию главного героя, начиная с его участия в сооружении «казенного весьма капитального строения», которое идентифицируется с храмом Христа-Спасителя в Москве. Закладка храма имела место 12 октября 1817 г. на Воробьевых горах; спустя почти десять лет, 16 апреля 1827 г., когда обнаружили злоупотребления, комиссия по сооружению храма была упразднена, а двое ее членов преданы

⁵ Котляревский Н. А. Николай Васильевич Гоголь. 1829—1842. Петроград, 1915. С. 397.

⁶ Данилов Вл. «Мертвые души» Гоголя как хроника русской жизни 20-х и 30-х годов // Русский язык в школе. 1923. Кн. 4. С. 6.

⁷ Елистратова А. А. Гоголь и проблемы западноевропейского романа. Москва, 1972. С. 105.

суду.⁸ Принимая эту дату за исходную (в действительности дело тянулось еще восемь лет и было закончено лишь в 1835 г.), исследовательница выстраивает такой ряд: «Чичиков [...] был отрешен от должности и его имущество было обращено в казну в 1827 г. [...] После долгих хлопот ему удалось добиться при помощи взяток „уничтожения запачканного послужного списка“, перейти на другую службу — в таможенную на польской границе, скажем, в 1828—1829 гг.; там он служил не очень долго, по крайней мере года два — 1828—1830 гг. или 1829—1831 гг., [...] увернувшись от уголовного суда за проделки на таможне, он, коллежский советник по чину, „принужден был заняться званием поверенного“ (опять в Москве) в 1830—1831 гг., не раньше. Поездки его и первые покупки начались в 1831—1832 гг., перед самой ревизией 1833 г.»⁹

Однако не выдерживает критики уже исходный момент этих расчетов — идентификации «капитального строения» с храмом Христа Спасителя. Можно говорить лишь о том, что историей этого строительства, хорошо известной Гоголю (еще в письме от 10 февраля 1831 г. к матери он упоминал, что «комиссия построения храма в Москве уничтожена по причине страшных сумм, истраченных ее чиновниками»), был подсказан соответствующий эпизод; однако же в ходе работы над текстом он получил «независимую», самостоятельную роль. Характерно, что в окончательной редакции было снято упоминание «комиссии построения храма Божьего» и здание стало «казенным»; лишь в качестве некоего реликта первоначальной редакции осталось определение домов, построенных чиновниками на ворованные деньги, как домов «гражданской архитектуры» — здесь *граждансий* стиль явно противостоит *церковному* стилю храма.¹⁰ При этом уже в черновой

⁸ Мостовский М. История Храма Христа Спасителя в Москве. Москва, 1882. С. 218, 229, 230.

⁹ Смирнова-Чикина Е. С. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души»: Литературный комментарий. Москва, 1964. С. 174.

¹⁰ Отмечено в статье: Гуминский В. М. Гоголь и Александр I (из комментариев к «Мертвым душам») // Н. В. Гоголь и мировая культура: Вторые Гоголевские чтения. Москва, 2003. С. 118.

редакции события происходили не в Москве, где строился храм Христа-Спасителя, а в провинциальном «губернском городе». Словом, с самого начала Гоголь хотел избежать какой-либо привязки этих событий к реальным фактам.

Все это имеет принципиальный смысл. Дело в том, что попытки более или менее точно локализовать действие поэмы противоречат ее поэтике, в которой достаточно отчетливо проступает главная тенденция — противопоставления или, вернее, *отличения прошлого от настоящего*, без конкретизации этого противопоставления. Намечается эта тенденция с первых страниц: орлы на питейных заведениях *«теперь уже заменены лаконичною надписью [...]»*; сапогам Собакевича *«вряд ли где можно найти отвечающую ногу, особливо в нынешнее время [...]»*; *«может быть [...] станут говорить, что теперь нет уже Ноздрева»*; *«письмо было написано в духе тогдашнего времени»* и т. д. В пределах же этого «прошлого» (или «настоящего») Гоголь довольно свободно обходится с реалиями, смешивая их и допуская анахронизмы.

Очевидно, здесь проявилась общая закономерность его художественного письма, которая запечатлелась также в вольном и противоречивом фиксировании времен года. Отправляясь делать визиты помещикам, Чичиков надел «шинель на больших медведях»; по дороге он видит мужиков в «овчинных тулупах» — все это указывает на то, что события происходят в холодную пору. Но затем Манилов встречает гостя «в зеленом шалоновом сюртуке»; в имении помещика видятся «подстриженный дерн», «клумбы с кустами сиреней и желтых акаций», «пруд, покрытый зеленью»; словом, вполне летний пейзаж.¹¹ То что все это не *lapsus calami*, не «ошибки пера», подтверждается авторской правкой: в черновой редакции определенно указывалось, когда происходит действие (*«День, несмотря на то, что лето было на исходе — был еще довольно жарок [...]»*); затем это ограничение отпало. Го-

¹¹ См.: Бузескул В. П. К какому времени года относятся похождения Чичикова в первом томе «Мертвых душ» // Пошана: Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1909. Т. 18. С. 481—484; см. также Гунтуц В. Гоголь. Ленинград, 1924. С. 148, 232.

голь явно не хотел связывать себя привязкой к календарю (ср. пушкинское замечание, что время в *Евгении Онегине* «расчислено по календарю»). В *Мертвых душах* детали обстановки, элементы сезонного пейзажа проистекают из сути образа или ситуации, порою резко противореча друг другу: так для Манилова оказались необходимы пестрые, летние цвета; для Чичикова — краски и подробности, создающие впечатление важности и солидности. (В черновом тексте другой главы *шинель на больших медведях* непосредственно соотносится с соответствующей поведенческой установкой персонажа: «набросил шинель на медведях не затем, чтобы на дворе было холодно, но чтобы *внушить должный страх канцелярской мелюзге*»; в окончательном тексте упоминание о медведе «на плечах» осталось, но без подчеркивания функции этой детали.¹²)

К Гоголю здесь в определенной мере можно отнести интереснейшее наблюдение Гете об «ошибках» Шекспира. Отметив, что в одном месте леди Макбет говорит: «я кормила грудью детей», а в другом месте о той же леди Макбет сказано, что «у нее нет детей», Гете обращает внимание на художественную оправданность этого противоречия: Шекспир «заботится о силе каждой данной речи [...] Поэт заставляет говорить своих лиц в данном месте именно то, что хорошо именно тут и производит впечатление, не особенно заботясь о том, не рассчитывая на то, что оно, может быть, будет в явном противоречии со словами, сказанными в другом месте».¹³

И разноречивой в других реалиях, уже не «сезонного» рода, по-видимому, возникает на той же почве — реалии вводятся в связи с определенными темами, подчас противореча друг другу хронологически, но оставаясь в пределах характеристики «прошлого». Важнейшие среди этих тем: Отечественная война 1812 года, связанная с мотивами общенационального единения и подъема на фоне более поздней, «современной» раздробленности интересов, эгоизма и меркантильности; да-

¹² См. об этом: Манн Ю. Поэтика Гоголя: Вариации к теме. Москва, 1996. С. 250—252.

¹³ *Eckermann J. P. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens.* Berlin, 1956. S. 320—321.

лее — начальная стадия русского романтизма (первые баллады Жуковского), к которому восходят мотивы жизни сердца, элегических разочарований, словом весь комплекс идей «внутреннего человека», как в их серьезном проявлении (преимущественно «авторском» — когда идеи сообщаются в «лирических отступлениях»), так и в проявлении пародийном (сфера персонажей); далее — греческая тема, имеющая отношение к развитию мотивов телесной силы и богатырства, причем также в их серьезном («Здесь ли не быть богатырю...») и пародийном выражении («богатырь» Собакевич); и т. д.

Принципиальная же оппозиция «прошлое — настоящее» очевидно устраивала автора *Мертвых душ* в самом общем виде, уже самим своим существованием, поскольку создавала эпическую дистанцию, столь характерную для исторического романа (в частности для Вальтера Скотта): эта дистанция, с одной стороны, усиливала возможности комического освещения событий и героев (взгляд на них с позиции «сегодняшнего дня» — прием, которым активно пользовался Вальтер Скотт), а с другой — оправдывала окраску, «заражение» (*Ansteckung*) авторской речи интонациями персонажей.¹⁴ Вместе с тем хронологическая дистанция там, где это было надо, мотивировала спокойствие, замедленность и обстоятельность описания (ср. гоголевские слова о том, что он ведет рассказ «спокойно, как летопись» — из письма В. А. Жуковскому от 12 ноября н. ст. 1836 г.).

Необходимо учитывать также место первого тома во временной перспективе всего замысла: «Гоголь задумывал широкий захват времени для похождения героя; а для этого, раз он начал писать *Мертвые души* в 1835 г., он должен был строить распространение времени не насчет будущего, а только насчет прошедшего»¹⁵, то есть, так сказать, *в глубь исторического времени*. Ведь предполагалось, что действие последующих томов еще более приблизится к современности. Разумеется, и в этом случае речь может идти не о точной соотнесенности

¹⁴ Понятие «*Ansteckung*» применительно к раннему Достоевскому развивает Вольф Шмид (см.: *Schmid W. Der Textaufbau in den Erzählungen Dostoevskijs. München, 1973. S. 59* и далее).

¹⁵ Данилов Вл. «Мертвые души» Гоголя как хроника русской жизни. С. 7.

реалий, но о впечатлении, художественном эффекте — эффекте плотного вхождения в современность.

Реалии *места действия* также определены в поэме в самом общем виде. «Город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц»; ближе к Москве, а от Казани дальше (разговор двух мужиков о «колесе»), но какой город — не уточняется; важно, что это типичный губернский город в Средней России. Его характерность подчеркнута с первых страниц («город никак не уступал другим губерньским городам: сильно била в глаза желтая краска на каменных домах [...]» и т. д.). Город не на Украине (отдаление от украинского локуса заботило Гоголя еще при написании *Ревизора*), а именно в Средней России, то есть не на Севере или, скажем, в Сибири — это уже другие, особые миры (к сибирскому локусу автор *Мертвых душ*, скорее всего, собирался обратиться в третьем томе).

В контексте же общего художественного строя поэмы, с ее гиперболизмом, гротескной окраской и стилистическими переборами, усредненность городского облика и пространства в целом порождала сложное впечатление и соответственно получала самые различные интерпретации. Для одного из младших современников Гоголя «величайшее достоинство» *Мертвых душ* «состоит в глубоком понимании той местности, о которой говорится в рассказе». ¹⁶ Напротив, в начале XX века С. А. Венгеров совершенно отказал *Мертвым душам* в верности отображения губернского, как и всякого другого города, рассматривая поэму в рамках своего тезиса о том, что «Гоголь совершенно не знал реальной русской жизни». Впрочем исследователь полагал, что это не столько недостаток, сколько своеобразие художественного почерка: «В *Мертвых душах* правдоподобие столь искорено, элемент фантастики столь интегрально входит в концепцию произведения, что и надобности никакой нет в сколько-нибудь точном воспроизведении действительности». ¹⁷

¹⁶ [Майков В. Н.] Сто рисунков из сочинения Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Отечественные записки. 1847. № 2, отд. 6. С. 76; см. также: Майков В. Н. Литературная критика: Статьи и рецензии. Ленинград, 1985. С. 307.

¹⁷ Венгеров С. А. Собр. соч. Санкт-Петербург, 1913. Т. 2. С. 136.

Принципиальное значение вопросу о неопределенности места действия поэмы придал И. Ф. Анненский: «Из какой полосы России взяты Коробочки, Митяи и Миняи? [...] Что это в сущности за страна?» Затрудненность ответа объясняется тем, что философское и символическое содержание поэмы не вмещается ни в какие пространственные или временные рамки: «Пусть вместо России он изобразил нам Атлантиду, но от этого стали еще ярче и еще великолепнее те дышащие жизнью символы, в которых светятся мириады наблюдений и умов [...] *Мертвые души* не могли бы уместиться ни в одну чисто реальную обстановку».¹⁸ Пожалуй, из приведенных откликов о локусе *Мертвых душ* суждение Анненского — наиболее точное: оно не оспаривает реального, базового основания гоголевского пространства, но поднимает его до более высокого, удаляющегося в перспективе, символического, до конца не определяемого и никогда не определимого уровня.

Впрочем, все это, как мы видели, можно было бы отнести и к категории времени, то есть к гоголевскому хронотопу в целом.¹⁹

¹⁸ Анненский И. Художественный идеализм Гоголя (1902) // Анненский И. Книги отражений. Москва, 1979. С. 225.

¹⁹ См. также в связи с этим: Манн Ю. Место и время (из комментариев к гоголевскому «Ревизору») // Страницы истории русской литературы. К 70-летию проф. В. И. Коровина: Сб. статей. Москва, 2002. С. 238—241.